

2. *Баженова, О.* Семейный альбом портретов князей Радзивилов из Национального исторического архива Беларуси / О. Баженова // Мірскі замак: канцэпцыя рэстаўрацыі і праблемы музефікацыі. – Мiр, 2007. – С. 40–55.
3. *Баженова, О. Д.* Геский – придворный художник князя Михаила Казимира Радзивила Рыбоньки / О. Д. Баженова // Музей XXI ст.: актуальныя праблемы дзейнасці: матэрыялы навук.-практ. канф. – Мiнск: Белпрынт, 2008 – С. 159–169.
4. *Бажэнава, В.* Радзівілы, мастак Ксаверый Дамінік Гескі й Саксонія / В. Бажэнава // Спадчына, 2003 (153). – № 4–5. – С. 23–25.
5. *Баженова, О.* Радзивилковский Несвиж: росписи костела Божьего Тела / О. Баженова. – Минск: Харвест, 2010. – 414 с.
6. *Баженова, О. Д.* Монументально-декоративное искусство Несвижа XVIII века: европейский контекст и стилистическое своеобразие: ...автореф. дис. д-ра искусствоведения : 17.00.09. / О. Д. Баженова. – Минск, 2013. – 49 с.
7. *Грыцкевіч, А.* Радзівіл Міхаіл Казімір (мянушка Рыбанька) / А. Грыцкевіч // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – Мiнск : БелЭн, 2006. – 792 с.

О. П. Дмитриева, В. В. Куницкий

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (февраль – ноябрь 1918 г.)

В годы Первой мировой войны белорусские земли дважды подверглись немецкой оккупации. Первый период контроля Германией западной части белорусских земель – Виленщины, Гродненщины и небольшой территории Минской губернии длился с осени 1915 г. и до подписания 4 декабря 1917 г. в местечке Солы, около Сморгони, соглашения о перемирии, по которому боевые действия на всем протяжении Западного фронта приостанавливались на 2 месяца [1, с. 8; 2, с. 51; 3, с. 36].

После того как в январе 1918 г. в Брест-Литовске советская делегация отказалась подписать мирный договор на условиях, выдвинутых Германией, немецкие войска возобновили наступательные операции на Восточном фронте. В период с 18 февраля до начала марта 1918 г. они заняли большую часть белорусской территории, выйдя к рекам Западная Двина и Днепр. Под германским контролем оказались части Витебской, Минской и Могилевской губерний с Двинском, Минском, Логойском, Докшицами, Лепелем, Полоцком, Борисовом, Жлобином, Речицей, Калинковичами, Рогачевом, Гомелем, Оршей и Могилевом. К марту 1918 г. фронт стабилизировался по линии Полоцк – Орша – Могилев – Рогачев – Гомель [3, с. 38; 4, с. 454–455; 5, с. 140; 6, с. 130–131; 7, с. 79]. Так начался период второй волны немецкой оккупации на территории Беларуси.

В результате заключенного 3 марта 1918 г. Брестского мира к Германии отошли белорусские земли на запад от линии Двинск – Свенцяны – Лида – Пружаны – Брест (западные уезды Виленской и Гродненской губерний), которые Германия планировала использовать по своему усмотрению [8, с. 44].

Брестский, Пружанский, Кобринский, Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды были преобразованы в Полесскую губернию, которые Германия отдала Украинской Народной Республике. Это повлекло за собой украинизацию всех национальностей белорусских земель, проявившуюся, прежде всего, в назначении на местах украинских чиновников из Центральной Украины, во введении украинского языка в школах и делопроизводстве.

Территория пяти уездов Минской и Могилевской губерний в районе Могилёв – устье реки Березина – Слуцк оказалась в зоне оккупации 1-го Польского корпуса – так называемые земли «Довбория». Находившиеся здесь сторонники И. Р. Довбор-Мусницкого выступали против свершений Октябрьской революции и вели польскую пропаганду среди местных жителей, а занятые ими земли планировали включить в состав Царства Польского. После расформирования корпуса в июне 1918 г. на эту территорию пришла германская оккупационная администрация [8, с. 44; 9, с. 222–223; 10, с. 122].

В неоккупированных восточных уездах Витебской и Могилевской губерний продолжала существовать советская власть в рамках территориального образования Западная область, в состав которой также входила Смоленская губерния [11, с. 13]. Таким образом, на протяжении 1918 г. разные части белорусских территорий оказались под немецким, украинским, польским и советским влиянием.

Важно отметить, что при подписании Брестского мирного договора белорусские делегаты (И. Середа, А. Цвикевич и С. Рак-Михайловский) находились на конференции в качестве советников украинской делегации [9, с. 222].

Следовательно, при таком важном и судьбоносном для Беларуси событии отсутствовали представители от белорусского народа. Более того, ни Россия, ни Германия не рассматривали Беларусь как самостоятельное государственное образование. Россия и Польша считали белорусские земли своей неделимой частью, а для Германии эти территории были залогом для выплаты ей контрибуции Советской Россией. Также на белорусские земли претендовали современные Украина, Литва и Латвия.

Согласно русско-германскому добавочному договору, заключенному 27 августа 1918 г., Германия взяла на себя обязательство «ни вызывать, ни поддерживать самостоятельных государственных организмов», не вмешиваться в отношения между «русским государством и его отдельными областями» [11, с. 20]. По образцу оккупированных в 1915 г. белорусских западных земель вновь захваченные территории стали называться немецкой областью. Здесь ликвидировалась советская власть и все принятые ею декреты и постановления. В городах и деревнях стояли немецкие гарнизоны.

Власть германского коменданта, градоначальника и начальника уезда была ограничена только командующим 10-й армии генералом Э. Фалькенхаймом, чей штаб располагался в Минске. На захваченных территориях восстанавливалась досоветская система местного управления: городские думы, управы, земства, волостные староства, старые суды; в деревнях – земские управы. На городские и земские управы возлагались обязанности обеспечения германской оккупационной администрации всем необходимым [6, с. 130–131; 8, с. 45; 12, с. 91–92].

Особое доверие в деле трудоустройства у немецкой военной администрации вызывали представители германской национальности. Для выявления необходимых специалистов создавались списки с указанием профессий жителей той или иной местности. Так, среди различных приказов немецкой комендатуры для населения Вильно за март 1918 г. находился перечень местных немцев и список их профессий, включавший 4 портных, 1 вышивальщицу, 5 прачек, 9 штопальщиц, 2 приходящих домработниц, 2 сапожников и 1 пекаря [13, л. 73]. Очевидно, что немецкое командование использовало профессиональный ресурс местного населения для обслуживания и материального обеспечения своих войск и тыловых частей.

Социально-экономическое положение жителей захваченных немцами территорий мало чем отличалось от времени первой оккупации. Все государственное и частное имущество, которое не было эвакуировано или же не имело своего законного хозяина, было объявлено владением Германской империи. Большинство промышленных предприятий было закрыто. Без перебоев работали только торфодобывающая и лесозаготовительная промышленность. Созданное Минское окружное лесное управление обладало правом монополии на вырубку леса в Минской, Виленской и Могилевской губерниях. Так, на 27 июля 1918 г. на оккупированной территории Беларуси было не менее 45 лесничеств [14, л. 1–1 об., 9, 11].

Средства связи также были под контролем оккупационной администрации. К лету 1918 г. только на территории Минского окружного управления было открыто 33 почтовых отделения. При отправлении корреспонденции использовались видоизмененные имперские почтовые марки. При этом местное население не могло выступать посредником при пересылке писем, а также учреждать почтовые отделения. Нарушители этого распоряжения подвергались лишению свободы сроком до одного года или/и денежному штрафу в размере до 3 тыс. марок [14, л. 19–20].

Военная администрация объясняла свои действия запретом на «пользование жителями занятой армией области разрешенными почтовыми сношениями посредством местных почтово-рассыльных учреждений для каких бы то ни было сообщений о военных обстоятельствах или для обсуждения политических событий, могущих повредить интересам оккупационных войск или Германского государства и его союзников <...>» [15, с. 203].

Ярким примером положения населения на захваченной немцами части Беларуси может служить Полоцк. Так, с началом оккупации этого города в феврале 1918 г. командир отряда полковник Фирстенау заверил его жителей,

что не будет никакого вмешательства в их внутренние дела, «все останется по-старому, как было до сих пор» [16, с. 7–8]. Кроме этого, Фирстенау пообещал, что функции местной власти останутся за городским самоуправлением. Он также отметил, что для общественно-политической жизни населения, деятельности организаций и союзов не будет никаких препятствий. При этом немецкое командование ввело свои деньги, а так называемые «керенские» или «думские» деньги правительством Обер Ост не принимались. По свидетельствам очевидцев, уже спустя месяц немцы начали «устраиваться по-настоящему»: налоги росли ежедневно, население было вынуждено содержать для немецкого гарнизона штат переводчиков и полицейских, доставлять дрова, посуду, мебель, снабжать электроэнергией. Комендант потребовал у всех жителей описи их имущества и заявил, что «на каждого члена семьи может быть оставлено по одному стулу, ложке, вилке». Все «лишнее» (мебель, посуда, картины, мыло, нитки и др.) забиралось для нужд немецких войск [16, с. 17–19, 23].

На вновь оккупированной территории немцы придерживались политики дерусификации, делая акцент, прежде всего, на развитие культур всех национальностей региона. Эту тенденцию можно проследить на примере польской общности белорусских земель. В 1917–1918 гг. в Минске действовали Общество полек, Общество почитателей науки, Общество врачей и естествоведов, Общество литераторов и журналистов и другие польские организации [17, с. 240]. Архив хранит воспоминания одного из служащих беженского отдела Белнацкома о положении в оккупированном Минске и Минской губернии в сентябре 1918 г.: «В значительной мере край полонизирован. Много открыто польских школ. Вывески везде или немецкие, или польские. Не обходится и без курьезов. Укажу пример: в городской управе по отделу народного образования представительницей от немцев состоит какая-то полька» [18, л. 4–4 об.].

Дерусификация региона осуществлялась и благодаря возросшей заинтересованности Германии к белорусам. Так, важную роль сыграли немецкие ученые-слависты в распространении знаний об истории и культуре местного населения среди солдат. Активную культурно-просветительскую деятельность среди оккупационных войск осуществлял известный славист, искусствовед А. Ипель, по инициативе которого были организованы 2 выставки белорусского искусства и опубликован ряд статей. Славист Р. Абихт печатал статьи по истории белорусского народа и его духовной культуры, переводил произведения Я. Купалы, Я. Коласа, белорусские песни и сказки. Офицер культурного отдела Обер Ост Ф. Куршман неоднократно выступал с лекциями перед военными [19, с. 15].

В статье «Спазнанне Беларусі» от 12 июля 1918 г., напечатанной в газете «Дзянніца», сообщалось, что немцы стали проявлять чрезмерный интерес к белорусскому региону с целью ознакомления с ним. На книжных рынках появились различные брошюры об исторических и этнографических особенностях края. По мнению автора статьи, это делалось для того, чтобы «расположить в свою сторону белорусское население» [20, л. 66].

Немецкая военная администрация поддержала создание белорусских научных объединений. Так, 26 января 1918 г. на белорусской конференции в Вильно с согласия немецких оккупационных властей был учрежден устав Белорусского научного общества (БНО). Эта организация получила право создавать и поддерживать за свой счет музеи, библиотеки, научные учреждения, организовывать выставки, экскурсии, лекции, курсы, собрания, а также заниматься издательской деятельностью. Правда, работа общества ограничивалась территорией Вильно, а его председателем был избран барон К. Шафнагель как представитель немецкой администрации. Заместителем председателя стал известный белорусский деятель, археолог И. Луцкевич [21, с. 35].

Одним из первых мероприятий БНО стала организация выставки белорусского древнего и декоративно-прикладного искусства, которая прошла в мае 1918 г. в Вильно при поддержке штаба 10-й немецкой армии. В сентябре 1918 г. экспозицию выставки увидели и жители Минска. Первоначально БНО сотрудничало с немецкими учеными: на заседаниях с докладами выступали археолог и искусствовед А. Ипель, этнограф П. Вебер; управление организации посещали К. Майнгоф, Г. Пик и другие представители немецкой интеллигенции.

В мае 1918 г. была создана комиссия по рассмотрению подготовленных для печати учебников немецкой грамматики. Но в конце 1918 г. в связи с уходом из Вильно немецких войск и расширением польской экспансии культурная и научная активность комитета значительно снизилась, а его деятели были вовлечены уже в политическую жизнь страны [21, с. 36].

Постепенно происходила активизация местных национальных сил, и белорусские националисты, находясь в условиях немецкой оккупации, смогли использовать предоставившиеся им возможности для реализации своих политических амбиций. 20 февраля 1918 г. исполнительный комитет Рады Всебелорусского съезда Первой уставной грамотой призвал белорусский народ «осуществить свое право на полное самоопределение, а национальные меньшинства на национально-персональную автономию» [22, с. 17].

9 марта 1918 г. представители белорусского национального движения Второй уставной грамотой провозгласили Белорусскую Народную Республику (БНР). В этом документе было заявлено о персонально-национальной автономии и равноправии родных языков всех народностей в границах созданного государства. После продолжительных обсуждений 25 марта 1918 г. правительство БНР вместе с представителями Виленской Белорусской Рады приняло Третью уставную грамоту, адресованную народам Беларуси. В ней провозглашалась полная государственная независимость БНР в границах Могилевской, Минской, белорусских частей Витебской, Виленской, Гродненской, Смоленской, Черниговской, а также соседних губерний, населенных белорусами. Важным было заявление руководства республики о том, что оно имеет право пойти на переговоры с Германией и пересмотреть ту часть «Брестского трактата», которая касается Беларуси. Созданное прави-

тельство также постановило, что может заключить соответствующие договоры как со странами Антанты, так и с участниками Четвертного союза, потому что БНР не была участником Первой мировой войны [22, с. 22–24; 23, с. 51–54; 24; 25].

Следующим шагом руководства БНР в деле укрепления своих политических позиций стало принятие специальной инструкции, согласно которой проводилась регистрация граждан в рамках провозглашенных границ. На сегодняшний день исследователями выявлено более 1 тыс. таких случаев. Кроме того, в 1918 г. в типографии Язэпа Галевского в Берлине был издан образец общегражданского паспорта БНР, который состоял из 12 страниц. Также осуществлялась институализация власти на местах. Есть свидетельства, что большинство местных органов белорусского правительства создавалось самостоятельно, а не по распоряжениям немецкой военной администрации, хотя, безусловно, они находились под пристальным вниманием оккупационных властей и их непосредственным контролем [26, с. 191–193].

Новые органы власти предпринимали попытки по оказанию помощи местному населению, пострадавшему в ходе военных действий. Так, белорусский исследователь В. Г. Мазец отмечает, что в июле-ноябре 1918 г. благодаря поддержке со стороны местных органов БНР на родину через Барановичи вернулось 4 тыс. беженцев-белорусов [25].

Однако говорить о подлинной независимости БНР в политическом плане не приходится, так как она находилась в условиях жесткого оккупационного режима другого государства. Тем не менее произошедшие изменения дали возможность основным противоборствующим сторонам – Германии и России – начать рассматривать белорусов уже не просто как этнос, а как этническую общность с единым языком и самосознанием, а главное, с претензией на создание собственной национальной государственности.

При этом БНР, будучи только представительным органом при оккупационных властях и не имея таких важных составляющих компонентов государственности, как армия, полиция, финансовая и налоговая системы, была ограничена в своих полномочиях. К тому же необходимо учитывать тот факт, что самостоятельное белорусское национальное государственное образование не входило в планы германских центральных и местных оккупационных властей. Альтернативой ему могло быть только белорусское национальное представительство при германской военной администрации, что, по сути, и произошло. БНР существовала на оккупированных белорусских землях под охраной 10-й немецкой армии, однако германский император Вильгельм II не признал новое государство, несмотря на заверения правительства в лояльности к его стране [27, с. 41]. 16 февраля 1918 г. представители литовской Тарибы обратились к германскому правительству с просьбой о признании независимого Литовского государства [28]. Уже 23 марта 1918 г. Вильгельм II объявил о независимости, но на условиях декларации 11 декабря 1917 г. Летом 1918 г. Тариба была преобразована в Государственный совет Литвы, а уже 9 ноября 1918 г. литовцы создали

первое правительство во главе с А. Вальдемарасом [29, с. 1; 30, с. 11–13]. Таким образом, немецкие власти оказались более благосклонными к литовцам, нежели к белорусам в их стремлениях к созданию собственной национальной государственности в форме БНР.

Так, во вторую волну немецкой оккупации на захваченной части белорусских земель вводился военно-административный режим, в основе которого была идея о приоритете жизненных интересов народа Германской империи перед местным населением. Результатом этой идеи стала жесткая экономическая и финансовая политика. Для осуществления контроля над захваченными территориями немецкие власти стремились заручиться поддержкой местных жителей, в том числе и белорусов, которые использовали это обстоятельство в пользу своего национально-культурного и общественно-политического развития. Однако когда перед ними появилась возможность создания собственной государственности в форме БНР, немецкая администрация перешла на сторону литовского национального движения в регионе. Это свидетельствует о том, что на различных этапах ведения войны Германия в разной степени поддерживала ту или иную национальную общность территории Беларуси исключительно с целью укрепления своих позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мигун, Д. А.* Германия и Беларусь: уроки истории (1914–1922 годы) / Д. А. Мигун. – Минск : Респ. ин-т высш. шк. Белорус. гос. ун-та, 2001. – 61 с.
2. *Платонаў, Р.* Пад пятой германскага кайзера / Р. Платонаў // Беларус. гіст. часоп. – 2001. – № 2. – С. 51–56.
3. *Тихомиров, А.* Проблема белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А. Тихомиров // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
4. *Мигун, Д. А.* Переговоры в Брест-Литовске 1918 г. и судьбы восточных славян / Д. А. Мигун // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 65-годдзю заснавання гіст. фак. Белдзяржуніверсітэта, Мінск, 26 лістап. 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; навук. рэд.: Ю. Л. Казакоў [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 454–455.
5. Памяць : Барысаў. Барыс. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / склад. Ж. В. Гілевіч; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1997. – 797 с.
6. Памяць : Докш. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад. А. В. Скараход; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 749 с.
7. Памяць : Шклоўс. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэд.-уклад. Г. Л. Напрэеў. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 509 с.
8. *Трацяк, С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917–студзень 1919 г. / С. А. Трацяк; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 206 с.

9. Памяць : Брэст : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі : у 2 кн. / уклад. А. П. Кондак; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997–2001. – Кн. 1. – 1997. – 576 с.
10. Памяць : Чачэр. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад.: У. Я. Райскі, Я. А. Шыпенка; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 619 с.
11. *Круталевич, В. А.* На путях национального самоопределения: БНР – БССР – РБ / В. А. Круталевич; Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права; под ред. В. Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 1995. – 138 с.
12. Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И. М. Игнатенко [и др.]; отв. ред. И. И. Минц. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 342 с.
13. Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). – Фонд 641. – Оп. 1. – Д. 1018. – Л. 73.
14. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Фонд 213. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1–1 об., 9, 11–12, 19–20.
15. *Людendorф, Э.* Мои воспоминания о войне, 1914–1918 гг. / Э. Людendorф. – М. : АСТ; Минск : Харвест, 2005. – 799 с.
16. *Вик, Л.* Уголок немецкой оккупации: из жизни города Полоцка с момента оккупации его немецкими войсками (февраль–июнь 1918 года) / Л. Вик. – Петроград : Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1918. – 31 с.
17. Памяць : Мінск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі : у 4 кн. / уклад.: А. А. Ляўшэвіч, В. С. Семенякоў; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. – Мінск : БЕЛТА, 2001–2005. – Кн. 2. – 2002. – 701 с.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 4–4 об.
19. *Сакалоўскі, У.* Беларускае адраджэнне і далучэнне нямецкіх вучоных да даследавання беларускай культуры / У. Сакалоўскі // Кантакты і дыялогі. – 1996. – № 3. – С. 9–17.
20. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 66, 204–208.
21. *Вабішчэвіч, А.* Беларускае навуковае таварыства ў Вільні (1918–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. часоп. – 2009. – № 6. – С. 35–40.
22. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі = For national independence of Byelorussia : дак. і матэрыялы, сабр. і падрыхт. для публ. І. Касяком, прагледж. і апрабав. для друку каміс. Беларус. цэнтр. рады пад кіраўн. праф. Р. Астроўскага. – Лондан : Беларус. цэнтр. рада, 1960. – 197 с.
23. *Павлова, Т. Я.* Границы БНР / Т. Я. Павлова // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 3. – С. 51–54.
24. *Паламарь, Н. Г.* К вопросу о территории и границе Беларуси (1916–1939 гг.) [Электронный ресурс] / Н. Г. Паламарь // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/palamar/>. – Дата доступа: 23.02.2013.
25. *Цімошык, Л.* Вопыт і ўрокі гісторыі: БНР як нацыянальная форма беларускай дзяржаўнасці [Электронны рэсурс] / Л. Цімошык, В. Мядзве-дзева // Звязда. – 2013. – 26 сак. – Рэжым доступу: <http://zviazda.by/2013/03/6243.html>. – Дата доступу: 04.02.2014.

26. *Мазец, В. Г.* БНР і праблемы нацыянальных супольнасцей на Беларусі / В. Г. Мазец // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: навук. канф., Мінск, 6–7 снеж. 2001 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: У. І. Навіцкі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 191–193.
27. *Ладысеў, У. Ф.* На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У. Ф. Ладысеў. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 1999. – 127 с.
28. Акт незалежнасці Літвы, 16 февраля 1918 г. [Электронны ресурс] // Средневековая Литва. – Режим доступа: <http://viduramziu.istorija.net/etno/vasario16-gu.htm>. – Дата доступа: 06.07.2013.
29. Доля беларусаў // Беларус. шлях. – 1918. – 27 сак. – С. 1.
30. *Трусаў, А. А.* Сярэдняя Літва / А. А. Трусаў // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 11. – С. 11–13.

В. Г. Мазец

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ФІНАНСАВАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ЎРАДА БНР У 1918 Г.

21 лютага 1918 г. Выканаўчы Камітэт Савета І Усебеларускага з’езда выдаў Першую Устаўную Грамату і абвясціў сябе часовай уладай на Беларусі. Быў створаны Народны Сакратарыят Беларусі, які ўзначаліў Язэп Варонка. Пасаду народнага сакратара фінансаў заняў Гелій Белкінд [1]. Пастановай № 1 Народны Сакратарыят Беларусі 21 лютага 1918 г. абвясціў усю казённую маёмасць, установы, капіталы і каштоўнасці здабыткам беларускага народа [2, с. 208].

Разам з тым працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці адбываўся ў надзвычай неспрыяльных абставінах. Нягледзячы на ўстанаўленне ў Мінску па ініцыятыве палякаў злучанай польска-беларускай камендатуры, палякамі было абрабавана палявое казначэйства 38 і 2 Каўказскага корпуса і Мінская Паштова-Тэлеграфная кантора на 15 млн. руб. і розных каштоўнасцей [3, с. 54].

22 лютага ў Мінск па чыгунцы прыбыў першы вайсковы аддзел немцаў, а 25 лютага нямецкі камендант высляліў Народны Сакратарыят з яго Дома і канфіскаваў касу – 341 441 руб. Пасля некалькіх зваротаў з просьбай вярнуць грошы 12 сакавіка 1918 г. прадстаўнікам Народнага Сакратарыята было заяўлена аб тым, што для разгляду пытання аб прыналежнасці грошай, «секвестраваных ва ўстановах г. Мінска, германскімі акупацыйнымі ўладамі была створана асобая камісія» [2, с. 54]. Народны Сакратарыят накіраваў двух сваіх прадстаўнікоў для ўдзелу ў рабоце гэтай Камісіі: Гелія Белкінда і Пятра Крэчэўскага. Але нават стварэнне асобай камісіі не мела станоўчага выніку ў справе вяртання грошай. Пра гэта сведчыць ліст Народнага Сакратарыята БНР, накіраваны 1 ліпеня 1918 г. обер-кватэрмайстру Штаба X Арміі, у якім у чарговы раз перад акупацыйнымі ўладамі было ўзнята пытанне вяртання канфіскаваных у лютым 1918 г. грошай [2, с. 57]. Як сведчыць ліст Народнага Сакратарыята фінансаў БНР Мінскаму казначэйству ад 31 кастрычніка, канфіскаваныя германскім камендантам грошы так і не былі вярнутыя [2, с. 289].